

Цифровые права как объект гражданского права

Р. Х. Давыдов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: davydovnet@ya.ru

Digital Rights as an Object of Civil Law

R. Kh. Davydov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: davydovnet@ya.ru

Аннотация

Объекты гражданских прав – одна из важнейших и фундаментальных тем для исследования в рамках изучения курса гражданского права. Познание сути и юридической природы объектов гражданского права необходимо для дальнейшей реализации теоретических знаний в реальных правоотношениях граждан и юридических лиц. Актуальность исследования цифровых прав как новых объектов гражданских прав связана с тем, что в настоящее время ведется активное внедрение и развитие процесса цифровизации экономики в Российской Федерации. Указанное обстоятельство способствует внедрению в гражданский оборот новых объектов – цифровых прав (активов). Этот процесс, безусловно, влечет за собой оптимизацию отечественной законодательной базы, которая должна урегулировать правовые аспекты в сфере использования цифровых прав. Крупные технические изменения побуждают государства реагировать на вызовы современности. Цифровизация заставляет законодателя раскрывать и развивать сферу правового режима цифровых прав. Так, возникновение и использование технологии блокчейн породили множество дискуссий в правовой среде различных стран, среди которых и Российская Федерация. С 2017 г. проводятся многочисленные совещания, научные конференции, направляются специальные поручения, нацеленные на изучение цифровой реальности. Настоящая статья посвящена вопросам внедрения цифровых прав в гражданское законодательство Российской Федерации. Автором анализируется различная терминология цифровых прав, а также приводятся законодательные пробелы в сфере регулирования цифровых прав в отечественном праве.

Ключевые слова: цифровизация экономики, блокчейн, краудфандинг, информационные системы, токены, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая среда.

Abstract

Objects of civil rights are one of the most important and fundamental topics for research during civil law. Knowledge of the essence and legal nature of civil law objects is necessary for further implementation of theoretical knowledge in real legal relations between citizens and legal entities. The relevance of the study of digital rights as new objects of civil rights is since the process of digitalization of the economy in the Russian Federation is currently being actively implemented and developed. This circumstance led to the need to introduce new objects into civil circulation – digital rights (assets). This process, of course, entails the optimization of the domestic legal framework, which should regulate the legal aspects in the field of digital rights. Major technical changes encourage States to respond to the challenges of our time. Digitalization forces the legislator to reveal and develop the scope of the legal regime of digital rights. Thus, the emergence and use of blockchain technology has generated a lot of discussions in the legal environment of many countries, including the Russian Federation. Since 2017, numerous meetings and scientific conferences have been held, and special assignments have been sent to study digital reality. This article is devoted to the implementation of digital rights in the civil legislation of the Russian Federation, analyzes various terminology of digital rights, and provides legislative gaps in the field of regulation of digital rights in domestic law.

Keywords: digitalization of the economy, blockchain, crowdfunding, information systems, tokens, cryptocurrencies, digital financial assets, digital environment.

Результатом активной деятельности по внедрению цифровизации стало принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и было введено понятие цифровых прав. Затем был принят и подписан Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ), вступление в силу которого произошло 1 января 2020 г. Однако ключевым, с точки зрения оборота цифровых прав, является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ), который еще не вступил в силу.

Стоит отметить, что определение правовой сущности цифровых прав как обязательственных является неудачным по ряду причин. Во-первых, в такого рода отношениях невозможно доподлинно установить обязанных субъектов, поскольку технология blockchain (далее – блокчейн) не предполагает раскрытия лиц, хранящих эти блоки, а неопределенность субъектов нехарактерна для обязательственного права. Во-вторых, трудно обозначить хранение в качестве обязательства, поскольку прекращение этого действия не влечет никаких юридических последствий. В-третьих, гражданский оборот придает шифрованным цифровым правам своеобразную форму денег, которые традиционно относятся цивилистами к вещам. Этому мнению противостоит позиция, согласно которой цифровые права – скорее фикция ценной бумаги. Действительно, такое мнение также видится логичным, но на данный момент окончательно определить правовую природу таких объектов невозможно, поскольку их оборот в науке не изучен в достаточной мере.

Цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются по правилам информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение

цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (статья 141.1 ГК РФ).

Важно отметить, что речь идет только о таких правах, которые законом напрямую отнесены к цифровым [4]. Такие права возникают во взаимосвязи с информационной системой и могут существовать только в электронной среде.

Законодатель ввел новый объект гражданских прав в результате бурного развития киберпространства и информационных систем. Такие права материализуются в электронной форме в виде цифрового кода. Материально они выражаются в форме определенных символов, цифр, программ ЭВМ, которые объективно хранятся на материальном носителе [1].

Таким образом, указанный выше объект права формируется только при наличии программного обеспечения. При этом цифровизация объектов права фактически означает цифровой способ их фиксации [5].

В результате развития и цифровизации экономических процессов законодатель в ГК РФ закрепил общую норму, формирующую оборот цифровых прав (статья 141.1 ГК РФ), причем указанная норма предполагает дальнейшее принятие новых законов, иных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу.

Статья 141.1 ГК РФ «Цифровые права» определяет новый способ удостоверения имущественных прав [6]. По своей законодательной конструкции нормы статьи 141.1 ГК РФ являются отсылочными и фактически не позволяют точно раскрыть содержание и условия осуществления последующей реализации цифрового права. При этом второе предложение пункта 1 статьи 141.1 ГК РФ частично детализирует: распоряжение цифровым правом допустимо в информационной системе без обращения к третьему лицу. Пункт 3 статьи 141.1 ГК РФ частично регламентирует вопросы перехода цифрового права, например, через соответствующую сделку, и не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Пункт 2 статьи 141.1 ГК РФ в качестве общего правила устанавливает, что обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы, имеет возможность им распоряжаться. В этом пункте также обращает на себя внимание избыточность вводного оборота «если иное не предусмотрено законом», поскольку второе предложе-

ние этого пункта, где указывается, что «в случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права может быть признано иное лицо», полностью устраняет его необходимость. Упоминание о цифровом праве как возможном объекте договора купли-продажи появляется и в новой редакции пункта 4 статьи 454 ГК РФ.

Применительно к цифровым правам право владения неразрывно связано с правом распоряжения, причем право распоряжения основано на правилах информационной системы. Лицо, способное своими действиями распоряжаться такими правами, считается их обладателем, если иное не предусмотрено законодательством. Заметим, что такая возможность должна быть основана на законном распоряжении цифровым правом. Неправомерное распоряжение им является правонарушением.

Сделка с цифровыми правами – это особое волеизъявление, оформленное в электронном виде или реализуемое в цифровой среде (информационной системе) [7].

При этом конкретные виды цифровых прав будут впоследствии урегулированы отдельным законом. Вероятно, в ближайшее время законодатель отнесет к цифровым правам токены и криптовалюты [1].

На данный момент ГК РФ прямого и четкого определения цифровых прав не дает (статья 141.1). ГК РФ фактически определяет их через описание. Это обязательственные права или иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Главным ключевым признаком цифровых прав выступает их оборотоспособность исключительно в информационной системе – электронные права появляются, реализуются и прекращаются в информационной среде. Следовательно, ГК РФ допускает оборот цифровых прав посредством электронных или иных технических средств.

Следует отметить, что объект цифровых прав – это особый цифровой продукт: токены, криптовалюта, большие данные, доменные имена, виртуальное игровое имущество.

Состав цифровых активов весьма неоднороден, но в любом случае для них характерны свои признаки объекта гражданского оборота. Как указывалось выше, цифровые права существуют

только в информационной системе и должны иметь определенную экономическую ценность.

Таким образом, законодатель, с одной стороны, ввел в гражданский оборот понятие цифровых прав. С другой стороны, в ГК РФ четко не определен их объем, правовая природа, признаки. Указанная выше ситуация до появления официальных разъяснений вызывает определенные трудности в реализации в гражданском обороте цифровых прав.

Заметим, что цифровые права не выражают собой цифровой эквивалент материальных активов. Это новый введенный тип объекта гражданских прав, но такое право не есть конструкция «право на право».

На сегодняшний день закон прямо закрепляет цифровые права в составе объектов гражданских прав. Однако содержание, природу и виды (типы) цифровых прав сам закон не раскрывает.

Следует констатировать наличие закрытого перечня прав, которые следует относить к цифровым правам. Логически это опосредовано выводом о том, что цифровые права, прямо не упомянутые в нормах законодательства, или которые реализуются в информационной системе, но не соответствуют существующим законодательным требованиям, цифровыми правами признаваться не могут.

При этом относительно недавно вошедшее в отечественную цивилистику новое понятие «цифровые права» не имеет никакого отношения к формирующейся в международном праве концепции цифровых прав. Понятие цифровых прав, определение которого дано в статье 141.1 ГК РФ, необходимо рассматривать как специальное отраслевое российское понятие, не свойственное мировой практике. В связи с этим специалистами отмечается, что такой отказ от привязки цифровых прав к соответствующему реестру, позволяет понимать под цифровыми правами любые права на объекты, которые фиксируются в цифровой форме.

Между тем необходимо отметить, что с 1 января 2021 г. вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Указанный выше закон стал глоссарием понятий, связанных с блокчейном и криптовалютами, а на его основе будут издаваться другие связанные законопроекты.

В законе вместо термина «криптовалюта» используется другой термин – «цифровая валюта». Его определение довольно громоздкое, поэтому выделим основные детали:

– цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе;

– цифровые валюты могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющееся денежной единицей;

– в отношении цифровой валюты по общему правилу нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Отметим, что Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» цифровую валюту характеризует как имущество. То же самое касается, в частности, Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В настоящее время в российской доктрине указывается на несовершенство правовых норм в части цифровых прав, что уже приводит к проблемам в судопроизводстве. В соответствии с Федеральным законом № 34-ФЗ предусматриваются цифровые права не только в общем виде, но и в рамках осуществления предпринимательской деятельности, а также заключения договоров.

Глава 30 ГК РФ предусматривает возможность купли-продажи цифровых прав. Переход цифрового права в рамках сделки не требует получения согласия лица, обязанного по цифровому праву. Предусматривается реализация цифровых прав в условиях цифровой среды. При этом в состав цифровой среды входят информационная система, стороны сделки и ее существенные условия, а также способы идентификации сторон сделки.

Правовое регулирование в России предусматривает право на заключение договора в удаленной форме. В качестве примера здесь можно привести нажатие кнопки «ОК» на телефоне, если под описанием этой кнопки указано, что ее нажатия достаточно для выражения волеизъявления. Результатом такого нажатия и выражения волеизъявления может быть оформление подписки на информационно-развлекательные сервисы. Федеральный закон № 90-ФЗ также предусматривает включение в систему законодательства понятия смарт-контрактов, к каковым необходимо отнести указанный выше пример.

Сам смарт-контракт не выступает в качестве отдельной сделки. Он рассматривается как условие, связанное с автоматическим исполнением договора гражданско-правового характера. Однако законом установлены ограничения на возможность реализации отдельных цифровых прав. Например, по-прежнему нельзя оставить заве-

щание в электронной форме с использованием мобильного устройства.

Вместе с тем необходимо остановиться на защите цифровых прав. Такие инструменты защиты предусматриваются в соответствии с внесением изменений в ГК РФ. В России так же, как и в США, одним из инструментов защиты цифровых прав является легализация процесса сбора и обработки обезличенной информации. В статье 783.1 ГК РФ приводится конструкция договора, в соответствии с которым будут оказываться услуги по предоставлению информации.

Если в США пользователи обязательно должны уведомляться о сборе таких данных, то в России по закону в договор может быть включено положение об обязанности пользователя не совершать определенные действия, влекущие за собой передачу данных третьим лицам и их раскрытие. В качестве примера здесь можно привести регистрацию на сайте, где обязательным шагом является выражение согласия с политикой конфиденциальности и обработки персональных данных. Если в соответствующем поле не ставится галочка, выражающая согласие, то и возможность завершения регистрации не предоставляется. Может сложиться и другая ситуация, когда политикой конфиденциальности и обработки персональных данных может быть предусмотрена возможность как выражения согласия с существенными пунктами путем постановки галочки, так и выражения несогласия с пропуском отдельных существенных пунктов политики конфиденциальности и обработки персональных данных.

Общей проблемой для России, стран ЕС и США является наличие ограниченных возможностей для защиты интеллектуальных прав в цифровом пространстве. Указанные страны объединяет подход к защите таких прав, который обычно сводится к блокировке ресурсов, на которых размещен нелегально скопированный контент. Если в США в отдельных штатах предусматривается возможность завещать цифровые права, то в России изначально предусматривается возможность провести сделку по продаже таких прав. Возможность завещать цифровые права в России не предусмотрена. Проблемой в России является отсутствие описания правовой природы смарт-контрактов в законах о цифровом пространстве. У многих экспертов возникают вопросы по правам и обязанностям сторон сделки.

С учетом внесенных поправок в ГК РФ весь спектр правоотношений в цифровой среде так и

не вошел в систему правового регулирования. К настоящему времени в России заложены лишь основы, за счет которых будет выстраиваться институт правового регулирования цифровых прав. Во Франции и США этот институт уже выстроен и постепенно меняется с учетом появления новых информационных технологий. Общим для проанализированных стран является то, что защита цифровых прав осуществляется через суд. В сравнении с Германией в России пока нет общественных фондов, которые бы пытались бороться за эффективную защиту цифровых прав.

Несмотря на свою необходимость и актуальность, Федеральный закон от 31 июля 2020 г.

№ 259-ФЗ имеет ряд недоработок и пробелов, которые были исследованы в рамках настоящей статьи. Кроме того, он требует приведения в соответствие с ним и других законодательных актов, в первую очередь речь идет о Гражданском кодексе РФ, Законе об акционерных обществах, Законе о рынке ценных бумаг, Законе о противодействии легализации преступных доходов, Законе о Банке России, Законе о банкротстве, Законе об исполнительном производстве, Законе о противодействии коррупции, Законе о национальной платежной системе.

Список литературы

1. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111.
2. *Гайдук В. П.* Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 72–73.
3. *Иванов Н.* Осуществление цифровых прав по ГК РФ и Закону о краудфандинге. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/22/osuschestvlenie_cifrovyh_prav_po_gk_i_zakonu_o_kraudfandinge (дата обращения: 11.09.2020).
4. *Кузнецов Ю. В.* Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. – 2018. – № 9. – С. 96–97.
5. *Новоселова Л., Габов А.* Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–32/
6. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Проблемы формирования правовых режимов новых цифровых объектов оборота // Право и бизнес. – 2019. – №1. – С. 37–38.
7. *Соболева Л.* Цифровые права: декларация без конкретики. – URL: <https://mcs.mail.ru/blog/cifrovye-prava-ne-stanut-megarevolyucie> (дата обращения: 18.09.2020).
8. *Юрасов М.* Защита прав инвесторов при проведении ICO блокчейн-проектов. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/11/5/zaschita_prav_investorov_pri_provedenii_ico_blokchejn-proektov (дата обращения: 14.09.2020).